

«ЭКОНОМИКА – ЭТО ПОЛИТИКА»

Томас Рёслер в беседе с депутатом Саксонского Ландтага Арне Шиммером

Интервью для немецкой рубрики сайта «Велесова Слобода»

Арне Шиммер (родился 4 июля 1973 года в Мюнхене) – парламентарий Саксонского Ландтага (земельного парламента), депутат от ультраправой партии НДПГ.

Арне Шиммер изучал политэкономия в Гиссене и является старостой студенческой корпорации Dresdensia-Rugia в Гиссенском университете. Он также писал статьи для различных ультраправых газет.

После выборов в Ландтаг Саксонии в 2009 году Шиммер – депутат Саксонского Ландтага. С 1998 по 2000 годы он был членом федерального правления партийной организации НДПГ – Национально-демократического союза высших школ. С 2007 года он член земельного правления парторганизации НДПГ Саксонии. Перед его избранием в депутаты Шиммер уже с 2004 года был сотрудником фракции НДПГ в Саксонском ландтаге, сначала как парламентский консультант, затем как пресс-секретарь.

После завершения учебы и получения диплома экономиста в 1999 году Шиммер первоначально с 2000 по 2001 годы был ассистентом по проверке в одной из адвокатских контор во Франкфурте-на-Майне. Затем до 2003 года работал редактором журнала для всей кредитной системы. Наряду с его профессиональной деятельностью Шиммер публиковал статьи в близкой к НДПГ газете Deutsche Stimme («Немецкий голос»), а также в Junge Freiheit («Молодая свобода»), где рассматривал, в первую очередь, вопросы политэкономии.

С 2009 года Шиммер также главный редактор близкого к НДПГ ультраправого журнала «Hier & Jetzt» («Здесь и сейчас»).

Источник: https://de.wikipedia.org/wiki/Arne_Schimmer

Финансовый кризис или последовавший за ним теперь спад – это основная тема средств массовой информации, экономический прогноз на 2010 год выглядит неутешительным: рост безработицы, ухудшение состояния экономики. Надежды по смягчению кризиса или спасению возлагаются на астрономически дорогие «пакеты конъюнктуры», о которых никто не может сказать, приведут ли они к чему-то, кроме дальнейшего увеличения государственной задолженности. Вы экономист, какова ваша точка зрения?

Уже с начала кризиса летом 2007 года экономические шаманы регулярно, стоит лишь паре недель пройти без новых больших катастроф, предсказывают, что наихудшее уже позади, и международный финансовый мир находится на пути к

выздоровлению. Но такие же оптимистичные прогнозы, однако, раздавались столь же регулярно на протяжении всего мирового экономического кризиса с 1929 по 1933 годы, о чем сегодня известно очень мало. Корни финансового кризиса лежат в высокой задолженности предприятий и государств, а также потребителей и владельцев недвижимости, особенно в США. Чтобы избежать крушения всемирной финансовой системы, уровень задолженности, особенно, государственной, был повышен еще раз. Это похоже на то, как если бы алкоголика лечили, все время наливая ему очередную стопку водки. Финансовый кризис не будет преодолен, пока не обрушатся пирамиды задолженности. Однако следствием этого станут несколько государственных банкротств в течение следующих лет.

Ввиду масштаба нового финансового кризиса охотно вспоминают кризисные годы 1929-1931, которые начались с биржевого кризиса на Уолл-стрит в Нью-Йорке. Есть ли связь между этими двумя кризисами? Какую историческую значимость можно приписать этому финансовому кризису? Каково его значение для праворадикальных активистов?

Ну, связь с кризисом 1929-1931 годов состоит в том, что крупномасштабные финансовые кризисы проходят по сходным образцам – и поэтому также кризисные теоретики, такие как Карл Маркс или Хайман Мински, могли делать верные общие высказывания о таких событиях. Основной образец выглядит приблизительно так: государства, банки, предприятия или частные лица дают и берут в предположительно хорошие времена чрезмерные кредиты и при этом все меньше задумываются о связанном с этим риске. Они изгоняют из своих голов даже мысль о возможности рецессии и связанном с ним крупномасштабном провале выплаты кредитов. «В этот раз будет все по-другому» – таков обычный аргумент, повторявшийся на протяжении веков. Так случилось и в этот раз: никогда якобы не были так надежны модели защиты от риска, никогда не были правила регулирования столь совершенны и сделки по обеспечению защиты от рисков столь продуманны. И как раз предполагаемая неуязвимость повышает готовность пойти на риск еще раз, до тех пор, пока вкладчики капитала не переходят к системе «снежного кома», при которой кредиты берут даже для финансирования задолженности по процентам. Тогда крах становится только лишь вопросом времени.

Я назвал бы нынешний финансовый кризис уже исторической цезурой, так как впервые со Второй мировой войны он затронул главную страну – сердце капитализма, Соединенные Штаты Америки. Правых политиков финансовый кризис должен подстегнуть спуститься с идейно-исторической башни из слоновой кости и больше заняться вопросами экономики. Не существует двух разделенных сфер экономики и политики, так как общая работа и забота о существовании

являются основополагающим элементом любого человеческого общества: экономика – это политика.

1929 год: Паника на Уолл-стрит – последствия мирового экономического кризиса затагнули Европу в пропасть

«Такие же оптимистичные прогнозы, однако, раздавались столь же регулярно на протяжении всего мирового экономического кризиса с 1929 по 1933 годы, о чем сегодня очень мало известно».

Повторяющиеся с очередностью молитвы требования политики, средств массовой информации и экономики теперь не искать виноватых, а в первую очередь предпринимать что-то против кризиса или «держаться вместе» (чтобы друг друга поддерживали спекулянты и могущественные финансовые олигархи и дрожащие за свои рабочие места и сбережения работники), естественно, вызывает вопрос о вине и ответственности. Кто должен ответить за этот кризис?

Причины кризиса – в системе, не в отдельных людях. С шестидесятых годов прошлого столетия длится так называемая третья промышленная революция. Использование электронной обработки данных, микроэлектроники, нанотехники и роботов делает человеческий труд все в большей мере излишним. Вытекающее из этого массовое сокращение рабочих мест позволяет «расплавить» внутренние рынки и ведет к возрастающей ориентации капитала на мировой рынок и к разрушению всех «маломасштабных» экономических структур на локальном,

региональном и национальном уровне. Из-за все более активного переноса производственно-экономических функций и их распространения в регионах с низким уровнем зарплаты прежде национальные предприятия в стремительном темпе превращались в транснациональные концерны, что, в свою очередь, ведет к разрушению государственных структур, которые получают все меньшее финансирование из-за международной конкуренции между местонахождениями предприятий. С растворением всех национальных экономик в транснациональном хозяйстве, состоящем из переплетения перенесенных из одного места в другое и разбросанных по земному шару дочерних фирм, филиалов и филиалов филиалов, само государство тоже все больше превращается в разлагающуюся пустую оболочку. Число государств-банкротов возрастает, царит беззаконие. Критика капитализма с национальной точки зрения должна анализировать эти процессы и не может расходовать свои силы на неверные образы врага.

Президент США Барак Обама настроил американцев на длительный спад: рост безработицы, кредитный кризис. Государственная задолженность достигнет астрономических высот. Можно ли теперь говорить о заметном падении США как мировой державы?

Да, я тоже так думаю. Финансовый кризис также является одновременно и провалом возникшей в последней трети двадцатого столетия англосаксонской модели накопления, целью которой было получение максимального дохода из вложенного капитала, что вызвало замену менталитета предпринимателей и промышленников доминированием финансистов. Именно этот принцип и потерпел неудачу в финансовом кризисе.

Также господствовавшая перед финансовым кризисом циркуляция задолженности – в двух словах: сбережения европейцев и азиатов потреблялись в США – обрушилась окончательно. Новая мировая держава Китай постарается освободиться от своих долларовых запасов, которым угрожает скорое обесценивание, и обменять их на ценные активы. У США возникнут большие проблемы со своим государственным финансированием, что, естественно, ухудшит также их способность вести войны на дальних континентах. Может случиться так, что мы сейчас являемся свидетелями «сумерек богов» последней мировой сверхдержавы.

Сбивает с толку то равнодушное отупение, с которым все это воспринимается, в частности, наемными работниками. Однако было продемонстрировано следующее: даже в фазе мнимого «подъема» перед финансовым кризисом работники не получали доли от прибыли, их зарплаты были в состоянии стагнации, что ввиду повышения цен на энергию и роста иных прожиточных минимумов в реальности означало даже уменьшение уровня зарплаты. С 1997 года реаль-

ные зарплаты не растут. Теперь высокие требования повышения зарплаты из-за сложившегося экономического положения больше не своевременны. Отказ от зарплаты, боязнь уйти на больничный, приспособляемость работников к механизации и рационализации посредством гибкости, сверхурочной работы и отказа от отпуска были, по сути, «стерты» несколькими «ошибочными» или «мошенническими» щелчками «мыши» в международных узловых пунктах финансовой торговли, не знающей границ. Мое наблюдение: работники поступали так, веря, что они «должны помочь немецкой экономике», ибо их мышление осталось на уровне «национальной экономики» 1950-1980-х годов, когда такой подход был еще возможен. Многие не понимают, что в эпоху глобализации такие реально-экономические усилия могут лишь в очень ограниченной степени воздействовать на национальные экономики. Что вы об этом думаете? Как следует объяснить, что даже большинство левых хотят придерживаться этой экономической системы и вместо этого требуют лучше немного «больше государства» или небольшого регулирования в финансовом бизнесе?

Это, вероятно, в первую очередь, связано с тем, что левые в полной мере восприняты существующей политической системой и включены в нее, что доказывают справедливость исторического закона: тот, кто добился власти, после этого быстро становится консервативным и защищает свою власть и имущество. Некий Юрген Эльзесер [**примечание: [блог](#) этого левого публициста в высшей степени заслуживает прочтения**], к примеру, справедливо выступает против левых в духе «латте маккиато» (салонных «леваков», подобных пенке этого кофейного напитка), которые занимаются всем тем, что не мешает капиталистам, концентрируя свои усилия на поп-культуре, Антифа, феминизме и т.п. Такие темы сегодня могут очень помочь в карьере тем, которые занимаются их рекламой, и именно потому, что эти темы не имеют никакого отношения к настоящим проблемам в стране.

Однако при этом нельзя упускать из виду, что наряду с этими леваками-приспособленцами есть еще и критически настроенные левые, которые очень хорошо занимаются этими системными вопросами.

В леворадикальной газете TAZ (Берлин) недавно было напечатано интервью, которое, по-моему, является симптоматичным. В нем левый экономист на вопрос, возможно ли введение «налога Тобина» (названного по имени Джеймса Тобина, предложившего в 1972 году налог на все валютные операции) на финансовые трансферты и более сильное государственное регулирование финансового рынка в Германии, сказал, что это было бы возможным только в очень ограниченной степени, так как капитализм «западного», англосаксонского происхождения, на который ориентируется финансовый мир и мировая экономика, занимает настолько доминирующее положение, что Германии больше не позволили бы идти ее собственным или альтернативным путем. До чего же мрачные перспективы! Как же тогда должно произойти изменение экономиче-

ской системы? Не нуждается ли Германия в других странах, которые готовы к революционной экономической переориентации (возможно, благодаря всесторонней политической трансформации) в качестве союзников? Это также означало бы тогда, что без ориентированного на общенациональные интересы «партнерского правительства» (коалиционного правительства) любая обращенная к национальным интересам экономическая политика обречена на неудачу...

Это абсолютно правильно. Экономико-политическими альтернативы экономике финансовых пузырей Уолл-стрита могут только тогда стать реалистическим вариантом, когда гегемония американской сверхдержавы будет сломана. Сейчас этот процесс уже развивается полным ходом. Национальному правительству в Германии очень пригодились бы сильные внешнеполитические и внешнеэкономические партнеры. **Ален де Бенуа** еще в начале Иракской войны в 2003 году и вызванного ею спора между США и несколькими важными европейскими союзниками говорил о «большом расколе Запада», ставшем заметным с Иракской войной и основанном на ином исходном пункте взгляда на мир и ином правовом понимании европейских наций, и решительно выступил в пользу оси «Париж-Берлин-Москва».

Карл Шмитт однажды сделал вывод, что политический мир – это «плюриверсум» (многополярный мир), а вовсе не «универсум» (единый мир), для него с диктатом Версальских договоров закончилась сама эпоха европейской государственности. После Версаля мир живет в постоянном чрезвычайном положении, которое старается, чтобы войны стали теперь «гуманитарными интервенциями», что, впрочем, отнюдь не сделало мир более мирным. Все это предвидел Карл Шмитт уже в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия и уже тогда сформулировал альтернативу унифицируемому миру под американской гегемонией: «большое пространство» против «универсализма».

Правые радикалы часто говорят об «ориентированном на пространство народном хозяйстве». Левые критики или активисты Антифа критикуют эту идею как пропагандистскую фразу и указывают на якобы отсутствующее в этом понятии конкретное содержание. Что нужно понимать под ним? Является ли вообще понятие «ориентированного на пространство народного хозяйства» приемлемым для вас? Я понимаю этот термин так, что он не предусматривает принципиального отказа от капитализма или от рыночной экономики, а хочет сохранить его основные черты, такие как право на собственность, свободное предпринимательство, никакой национализации предприятий, экспортную ориентацию – это верно? И если да, то что тогда отличает принцип «больше государства» правых радикалов от принципа «больше государства» левых либералов или «больше государства» социал-демократов? На каких экономических мыс-

лителей вообще могли бы ссылаться правые радикалы? Кого должен обязательно знать «нормальный» политический активист?

Критику понятия «ориентированного на пространство народного хозяйства» можно признать справедливой в том отношении, что это понятие еще не отвечает на вопрос по порядку собственности, который для каждой экономики является фундаментальным. В этом пункте такие понятия как «капитализм», означающий базирующуюся на частной собственности экономику, «социализм» – управляемая государством экономика, которая допускает смешанные формы собственности, и «коммунизм» – порядок, который вообще не допускает частную собственность на средства производства, несколько точнее, даже если заметить, что специалист в области политэкономии Вернер Зомбарт уже в двадцатые годы прошлого столетия насчитал 260 известных тогда определений социализма. Потому нужно смириться с тем, что понятия до определенной степени всегда открыты для интерпретации.

Понятие «ориентированного на пространство народного хозяйства», на мой взгляд, однако, является удачным. Глобализация постоянно обостряет конкуренцию не только между нациями за местонахождение предприятий и отраслей экономики, но также и региональную конкуренцию и дисбалансы – в частности, в Центральной Германии это доказывается обсуждением такой важной темы, как спор о «маяках», «метропольных регионах» и «пространств опустошения». Программа «ориентированного на пространство народного хозяйства» необходима в то время, когда даже внутри национальной экономики страны постоянно возрастают социально-пространственные диспропорции, и только лишь отдельные метрополии переживают бум, тогда как из-за миграции и старения под угрозой своего существования оказываются многовековые культурные ландшафты.

Целью «ориентированного на пространство народного хозяйства» является возвращение экономической активности обратно в регионы. Стержневой принцип сторонников «ориентированного на пространство народного хозяйства» звучит так: «Процветающая экономика нуждается в близости, географической, социальной, культурной. Это значит: ей нужно функционирующее общество, социокультурная общность, народ, нация, но также нужны и порядок, и государство». Это, естественно, включает в себя и то, что в ориентированном на пространство народном хозяйстве нет абсолютизации частной собственности, и это понятие поэтому не является прикрытием для реставрации капиталистических отношений. Ориентированное на пространство народное хозяйство – это смешанная экономика, в которой есть и общественная собственность, в частности, в ключевых отраслях промышленности, в финансовом секторе и в области жизнеобеспечения общества.

Если вы спросите, на какого мыслителя-экономиста как идейного первопроходца могли бы сослаться правые радикалы, то я могу лишь ответить, что как раз в области экономической теории нельзя учиться на основе обычной «географии правой и левой ягоды». Достойны рекомендации книги Алена де Бенуа, в которых он занимается экономическими вопросами, как «Прощание с ростом» и «Прекрасный сетевой мир» **[оба произведения появились в 2009 году]**. Среди немецкоязычных авторов нужно упомянуть, в частности, **Юргена Шваба**, который принадлежит к числу немногих национальных теоретиков, с большой основательностью разбирающихся с фундаментальными вопросами политики. Я назвал бы его произведения основополагающим чтением для каждого, кто хотел бы разобраться с экономико-политическими вопросами. В контексте теоретической работы НДПГ непременно следует прочесть тексты Леннарта Аэ об ориентированном на пространство народном хозяйстве.

Утверждения о «зловещем» союзе между красным (социалистическим) Интернационалом и золотым Интернационалом международного капитала очень популярны в праворадикальных кругах. Мне в этой связи запомнился афоризм Николаса Гомеса Давилы: «Марксист ненавидит капитал из-за эдипова комплекса, реакционер из-за ксенофобии». Не является ли даже один тот факт, что законы в пользу дерегулирования финансового рынка и рынка рабочей силы были приняты в эру канцлера Шрёдера и при этом явно выраженным левым федеральным правительством, очевидной уликой существования такого союза? Разве обе политические силы не работают над тем, чтобы осуществить изменение мира и человека: единый мировой порядок, единая мировая массовая культура, нивелирование идентичности культур, «потреблятьство», открытые границы, распространение «западных ценностей» как благородного нигилизма?

Я считаю несколько иначе. Союз между красным и золотым Интернационалами, на мой взгляд, существует только в различных теориях заговора. Можно, разумеется, за многое ругать Советский Союз, но только, пожалуй, не за то, что он не стремился последовательно к решению одного своего задания, а именно – поставить экономику под примат политики.

Скорее можно сказать о другой параллели между либерализмом и марксизмом: они оба утверждают, что политическое однажды совершенно растворится в экономическом. Либеральному идеалу унифицированного мира, в которой межгосударственная торговля сделает невозможными войны между государствами, соответствует видение бесклассового общества, которое живет в материальном изобилии, и в котором больше нет политики в обычном смысле и нет государства, так как все индивидуумы живут абсолютно свободно и эмансипировано.

Здесь, наверное, есть некоторое сходство в утопических целевых представлениях, но это не значит, что коммунизм и либерализм были хоть как-то похожи друг на друга также в их экономике и системе собственности, или что они могли бы образовать «союз капитала».

Красный и золотой Интернационал – фикция?

«Здесь, наверное, есть некоторое сходство в утопических целевых представлениях, но это не значит, что коммунизм и либерализм были хоть как-то похожи друг на друга также в их экономике и системе собственности, или что они могли бы образовать «союз капитала»».

В журнале «Sezession» (№ 27, за 2008 год), который в основном посвящен предметному обсуждению финансового кризиса и экономического кризиса, Томас Хооф решительно разобрался с уже ранней критикой немецкими экономистами девятнадцатого века «английского» капитализма или английской национальной экономики и указал на дряхлеющую уже более 150 лет критику немецкими экономистами английского народного хозяйства. Основными моментами этой критики являются: бездуховность, ужасная картина пролетаризации английского общества, идея владения вместо идеи производственных достижений (немецкое слово «Vermögen» означает не только «имущество», но одновременно и «Können» – «возможность, умение») и т.д. – не имеем ли мы тут дело с замалчиваемой нитью экономической истории, о которой соответствующие экономисты либо ничего не знают, либо осознанно умалчивают?

Упомянутая вами статья Томаса Хоофа в «Sezession» действительно великолепна и заслуживает упоминания как рекомендованное чтение для каждого, кто интересуется «правой» экономической теорией. Немцы после 1945 года заложили в свою научную традицию очень большой дефект – естественно, также и в области экономических наук, где сегодня практически существуют лишь две признанные теории – монетаризм и кейнсианство. Англосаксонская экономическая традиция очень формальная, математическая и сформированная количественными понятиями – пример этого – «закон сравнительных преимуществ» Дэвида Рикардо, согласно которому каждая страна должна производить только такие товары, при выпуске которых она имеет преимущества в издержках перед другими странами. Можно назвать этот закон Дэвида Рикардо основным принципом сегодняшней глобализации, и он превратил отдельные экономики в про-

мышленные монокультуры, производящие только лишь определенные предназначенные для экспорта товары. В противоположность этому у немцев была научная традиция политэкономии, рассматривавшая взаимосвязи и исследовавшая экономику и ее связи с политикой, культурой и обществом. В этой связи нужно назвать такие имена как Фридрих Лист, Карл Маркс или Вернер Зомбарт. Здесь следовало бы вспомнить также немецкого экономиста и агронома Иоганна Генриха фон Тюнена, который, будучи ранним экономическим географом, разрабатывал модель «колец Тюнена» (модель изолированного государства – прим. перев.) и тем самым, так сказать, основную программу ориентированного на пространство народного хозяйства и его концепции пространственной близости. Этот мыслитель был затем заново открыт и актуализирован Леннартом Аэ для создания национальной теории.

Экономисты и основоположники:

Дэвид Рикардо (1772-1823) и Иоганн Генрих фон Тюнен (1783 – 1850)

Я сейчас далек от того, чтобы утверждать, в общем, что эту нить экономической науки сегодня замалчивают осознанно, но скажу, что прерывание этой научной традиции – это лишь один аспект великого традиционного регресса после 1945 года. „The winner takes it all“ («Победитель получает всё») – это правило распространяется, роковым образом, также на культурные и научные традиции.

Не оглядываясь снова в зеркало исторической ретроспективы, не старый ли это конфликт: англосаксонский капитализм против немецкой идеи народного хозяйства? Конфликт, который, возможно, был также причиной и Второй мировой войны?

Несомненно, существует, как мы уже упоминали, дуализм между англосаксонской моделью накопления, которая ставит своей целью получение максимального дохода из вложенного капитала и в которой приоритет принадлежит обслуживанию ожиданий дохода участников, и немецкой идеей народного хозяйства, основанной на регулировании рынка, государственной ориентации и социально-государственных учреждениях и в которой институции играют намного большую роль чем в англосаксонской модели. Даже в таких ключевых словах как «Рейнский капитализм» или «социально-рыночная экономика» еще слышится какое-то далекое эхо этого экономического дуализма.

Пожалуй, не нужно быть историком, чтобы осознать, что обе мировые войны против Германской империи происходили отнюдь не по причине одного лишь чистого, вдохновленного гуманитарными принципами идеализма союзников, а речь шла о том, чтобы избавиться от экономического и политического конкурента в лице Германской империи.

[Примечание: Немецкий экономист Вернер Абельсхаузер пишет: «Эта монолитная перспектива блокового мышления (в конфликте между Западом и Востоком или Холодной войне – В.С.) быстро отошла на задний план, что Вторая мировая война рассматривалась также как братоубийственная война между разными ответвлениями большой капиталистической семьи и устранение корпоративистских особенностей немецкой экономической системы стояло на самом вершине в списке американских военных целей». Ср. Вернер Абельсхаузер: Культуркампф. Немецкий путь к Новой экономике и американский вызов. Берлин 2003, стр.7]

Из-за постоянного «аутсорсинга» производства и доминирования финансового рынка Великобритании, родина индустриализации, стала промышленным «полем под паром», которое практически не располагает уже собственной производительной экономикой – в ней господствуют сектора услуг и финансового рынка, часто скрещенные между собой. Многие наблюдатели экономически консервативных или радикально правых взглядов сходятся в том, что английская экономика только поэтому уже не могла бы стать образцом для Германии, которая непременно должна была сохранить свою производящую промышленность. Тем не менее, Великобритания – это отнюдь не бедная страна, благосостояние ее можно сравнить с Германией, и также, в отличие от Германии, в Великобритании было и чрезмерное повышение зарплаты, и рост экономики. Не является ли Великобритания поэтому, вероятно, все же, «неосознанным» образцом, опровергающим обоснованность всякой критики?

В вашем вопросе уже содержится часть ответа. Британское «экономическое чудо», которое тесно связано с понятием «тэтчеризма», основывается, прежде всего, на том, что сектор услуг и финансовый сектор получали все более высокую долю в создании национальной стоимости за счет уменьшения доли про-

мышленного сектора. Это развитие форсировалось в восьмидесятые годы дерегулированием Лондона как финансового центра, так что Лондон завоевал огромное значение как раз для торговли валютой или также как рыночная площадка для секьюритизации ценных бумаг и дериватов, который только мало уступал Нью-Йорку. Но у всего, естественно, есть и теневые стороны. Сравнительно высокий рост экономики Великобритании за оба последних десятилетия обеспечивался не в последнюю очередь финансовым сектором, и с крушением финансового сектора с 2007 года этот процесс пошел теперь в обратном направлении, и Великобритания принадлежит к числу стран, сильнее всего пострадавших от финансового кризиса, так что несколько авгуров уже рассматривают эту страну как кандидата на государственное банкротство.

По-моему, развитие британской экономики за два последних десятилетия является примером экономического риска, который возникает, если экономика страны слишком односторонне основывается лишь на одной опоре. Великобритания также и потому не может считаться неосознанным образцом, что нигде больше в Европе не сохранились в такой большой степени остатки классового общества, как там.

В своей статье «Наш Антибуржуазный фронт» Юлиус Эвола о развитии капитализма из средневековой городской буржуазии высказался так: «Именно буржуа привел постепенно к тому, что сегодня миру естественной вещью представляется то, что в другие – нормальные – времена считалось бы абсурдной ересью – претензия на то, что именно экономика – это наша судьба, прибыль – это цель нашей жизни, торговля и коммерция – это «деяние», пересчет любых ценностей в понятия «доходности», прибыли, комфорта, в ценности спекуляции, спроса и предложения составляют суть нашей цивилизации». Что вы думаете об оценке Эвола?

Со средневековой городской буржуазией, к примеру, в итальянских городах-государствах пятнадцатого и шестнадцатого столетий образовался социальный слой, который жил уже за счет торговли и финансовых вложений, а не за счет феодальных владений, как раньше. Это было началом процесса, который тогда, наконец, привел к закату сословного феодального порядка Средневековья. Однако такие исторические рассмотрения не должны отвлекать внимание от того, что за прошедшее время полностью пали также и буржуазные общества девятнадцатого века, и что на их место пришло глобальное и культурно и социально нивелируемое массовое общество, основанное на массовом потреблении. Это очень хорошо описано в исследовании Панайотиса Кондилиса «Упадок буржуазного образа мышления и образа жизни. Либеральный модерн и массово-демократический постмодернизм». На этого великолепного мыслителя политические правые пока слишком мало обращают внимания.

Квадрига Бранденбургских ворот: Символ погибшей эпохи

«Однако такие исторические рассмотрения не должны отвлекать внимание от того, что за прошедшее время полностью пали также и буржуазные общества девятнадцатого века, и что на их место пришло глобальное и культурно и социально нивелируемое массовое общество, основанное на массовом потреблении».

Эвола в течение всей своей жизни оставался философом, произведения которого способствовали огромному знанию о культурном наследии индогерманства, о духовности и мифологии, однако, вплоть до «Оседлать тигра» он избегал конкретных указаний для действий по преодолению модерна. Кроме того, идея интегральной традиции Эволы вряд ли осуществима в полной мере. К этому еще нужно добавить, что он, рассматривая исторический фашизм, очевидно, больше критиковал недостаточное воплощение его учения, чем конструктивно приветствовал и поддерживал, по крайней мере, оживление фашизмом традиционных идей и культурных образцов. Насколько вообще ценно учение барона Эволы для правых радикалов, на ваш взгляд? К какого рода пониманию пришли вы, занимаясь его произведениями?

Книги Эволы «**Восстание против современного мира**» и «**Оседлать тигра**» я прочел во время учебы и обе они произвели на меня большое впечатление. Идея интерпретировать исторический процесс развития прошедших тысячелетий не как эволюцию, а как упадок и регресс, то есть – инволюцию, уже сама по себе содержит что-то покоряющее. Любой прогресс в одной области компенсируется регрессом в другой области, и если вы войдете в средневековый собор, то получите впечатление от того, какие душевные силы действовали еще в тех людях, которые полностью закрыты для нас – сегодняшних людей.

Однако Эвола не принадлежит к числу моих «домашних богов». Хотя меня и интересуют циклические теории, но в целом мышление Эволы кажется мне, все же, слишком схематическим и слишком неисторическим. В целом я, все же, чувствую слишком большое уважение к величию истории, чтобы рассматривать ее только как процесс упадка и регресса идеального состояния.

Вы – один из ответственных редакторов журнала «Hier & Jetzt» («Здесь и сейчас»). Он, на мой взгляд, является новшеством, по меньшей мере, в том, что касается его «среды появления». Задам вам провокационный вопрос: до сего момента все уже привыкли к интересным статьям о феноменах истории, вопросах времени и мыслителям на высоком интеллектуальном уровне, написанным остроумно и конкретно, в основном исходящим из окружения газеты «Junge Freiheit», журнала «Sezession» и «Института государственной политики» и куда меньше – из окружения НДПГ. Не одностороннее ли это наблюдение? Когда вы заинтересовались основанием «Hier & Jetzt»? Какие трудности вам пришлось преодолеть? Получил ли журнал «Hier & Jetzt» достаточный экономический базис за прошедшее время или он еще должен за это «бороться»?

Теоретическую работу в окружении НДПГ не стоит недооценивать, она существенно лучше ее репутации. Я напому здесь только о замечательном журнале ННВ «Vorderste Front», выходившем в девяностые годы, номера которого до сегодняшнего дня остались полезным чтением, или о книге «Deutsche Bausteine» Юргена Шваба, которая появилась в 1999 года в издательстве „Deutsche Stimme“. Теоретически заинтересованные, а также одаренные головы всегда были в окружении НДПГ.

Именно потому, что в виде „Sezession“ и „Junge Freiheit“ уже существуют издания, представляющие собой форум для публикаций национально-консервативных авторов или авторов Новых правых, но не было ничего такого рода для политической отрасли, обозначающей себя как национальная или национально-революционная. Здесь есть пробел, который и должен закрыть журнал „Hier & Jetzt“. Естественно, в „Deutsche Stimme“ регулярно появляются очень хорошие работы о политической теории, но до сих пор нет национального теоретического журнала. В основании „Hier & Jetzt“ главная заслуга принадлежала, прежде всего, многолетнему главному редактору и художнику Йоханнесу Нагелю, который теперь, к сожалению, ушел. Нагель был мозгом и душой журнала, теперь нужно будет посмотреть, как журнал будет развиваться без него.

В наше время журналы вроде вашего, который совершенно осознанно обозначает себя как праворадикальный, «живут» в нашем свободном правовом государстве в довольно большой опасности. Были ли и есть ли со стороны органов власти какого-то рода усилия, чтобы разрушить вашу работу и предотвратить

появление „Hier & Jetzt“? Какие ближайшие цели и дальние цели вы хотите достичь с журналом „Hier & Jetzt“?

До сих пор были лишь обычные упоминания в так называемых «отчетах ведомства по охране конституции» – как и ожидалось. Целью „Hier & Jetzt“ является публикация хорошего теоретического журнала для той политической отрасли, которая называет себя национальной или национально-революционной. Если мы достигнем цели и сумеем сделать выход журнала регулярным, то этим уже достигнем многого.

Наш проект в Интернете поставил своей целью свести друг с другом немцев и русских, определяющих себя как «правые», и создать связи, которые, вероятно, однажды выйдут за пределы обычной дружбы и принесут свои плоды. В наши дни радикальные правые в Германии высоко оценивают Россию, потому что правые в России располагают большей по сравнению с Германией свободой, сильным и глубоко укорененным национальным самосознанием и военным и культурным потенциалом, потому что Россия может стать возможной силой противодействия США и американизации Западной Европы, и выглядит как возможный стратегический партнер. Как вы видите эту возможность? Каково ваше представление о России?

Мое представление России было обусловлено – как и у многих немцев – чтением Достоевского. Я в том возрасте, когда, пожалуй, читают больше всего, т.е. в 15 или в 16 лет, прочел его романы «Игрок». «Преступление и наказание» и «Идиот». Россия, она сто лет назад была для многих немцев еще царством души, так же как Германия сто лет назад для многих немцев еще была «священным сердцем народов», как выразился Гёльдерлин.

Сегодня можно отмахнуться от этого, как от наивной политической романтики, но я надеюсь, что такие представления живы еще в сердцах многих русских и немцев. Ибо только если мы будем опираться на наше лучшее духовное наследие и сделаем его плодотворным для современности, выход из кризиса станет возможным и открытым для наших наций.

Принцип многополярного порядка больших пространств возможен только при условии существования сильной России и сильной Германии. Однако в то время как Россия уже отчетливо эмансипировалась от влияния США, такой процесс в Германии еще, к сожалению, заставляет себя ждать.

На интернет-портале „Godenholm“ (назван по имени одноименного вымышленного острова из рассказа Эрнста Юнгера) вы в одной статье описали идею Юнгера о постоянном всемирном развитии происхождения разных эпох, не поддающихся управлению человеком (ключевые слова: революции Земли,

всемирные революции, век титанов). Эта идея обнаруживает удивительную близость к учению Эвола о всемирных эпохах. Может ли такой взгляд на мир при преобладании линейного мышления вообще быть чем-то большим, чем рассуждения литератора и философа, существующие, но лишённые исторической силы? Имя Эрнста Юнгера в правых радикальных кругах также ещё сегодня остается широко известным, однако, кажется, что более молодые активисты в действительности не выходили за рамки рудиментарных знаний об его жизни и творчестве. Даже если короткий ответ представляется трудным, каким значением обладает Эрнст Юнгер ещё сегодня? Какими его произведениями следовало бы заняться «нормальным» политическим активистам?

Без сомнения, как Эвола, так и Юнгер были циклическими мыслителями – как в творчестве Эрнста Юнгера, так и в творчестве его брата Фридриха Георга мотив возвращения играет важную роль. Где Эвола констатирует духовный упадок человека, который все сильнее теряет контакт с любой метафизической действительностью, там Юнгер в своем большом эссе «An der Zeitmauer» («У стены времени») занимается астрологическими предположениями о так называемых мировых годах в цикле прецессии, которые, согласно Юнгеру, обнаруживают разные свои качества. Теперь это звучит как что-то в духе эзотерики «New Age», но Юнгер продолжает здесь свои соображения из «Рабочего», по которым в ходе процесса индустриализации и механизации планеты, описанным Юнгером с использованием понятия «тотальной мобилизации», был перейден временной порог, за которым больше нет никакого возврата.

«Прусский анархист»: Эрнст Юнгер

Как уже было затронуто в вашем вопросе, Юнгер не думает, что этим процессом может управлять только человек, но что здесь действуют силы судьбы. В своем позднем творчестве Юнгер снова и снова выражает надежду на то, что подразумеваемая человеком его тотальная и неограниченная власть над природой благодаря его техническим средствам, которую Юнгер в своем мифологическом мировоззрении называет «господством титанов», является лишь временной передышкой и будет заменена новым одухотворением. Такие историко-философские предположения, естественно, достигают сферы «последних вопросов», и сами по себе также не являются поэтому непосредственно определяющими историю.

На вопрос, какое значение может еще быть у Эрнста Юнгера сегодня, я ответил бы, что с помощью его творчества можно принять участие в его внутренней независимости, которую этот «пруссский анархист» сохранил в себе на протяжении века, а также по отношению к самым сильным внешним искушениям. Его обширное творчество подобно разветвленной дельте реки, исследование которой, однако, в любом месте оказывается увлекательным и полезным. У него есть свой очень своеобразный синтаксис и собственный стиль, который сразу врежется в память. Особенно захватывающим я нахожу смешивание подобных снам кусков с реалистичными описаниями в его прозе и его дневниках, то есть, то, что германисты действительно удачно описывают понятием «магический реализм». Такое впечатление от чтения не следует упускать.

Кто хочет знать о Первой мировой войне, тот должен прочесть его дневниковые записи «В стальных грозах», эту книгу я тоже могу настоятельно порекомендовать.

Что вы хотели бы сказать еще в заключение нашим читателям в России и Германии?

Я надеюсь, что Россия и Германия не растворятся в двадцать первом веке в однообразной и определяемой только потреблением единой мировой цивилизации, а сохранят свою собственную суть и свою национальную самоидентификацию.

Я надеюсь, что между Россией и Германией в двадцать первом веке будет развиваться крепкая дружба и хорошее сотрудничество, так как прежние эпохи, в которых это происходило, всегда были хорошими временами для наших народов.

Октябрь 2009 года
Перевод с немецкого:
Ноябрь 2011 года

Литература:

Panajotis Kondylis: Der Niedergang der bürgerlichen Denk- und Lebensformen. Die liberale Moderne und die massendemokratische Postmoderne. (Панайотис Кондилис. Упадок буржуазного образа мышления и образа жизни. Либеральный модерн и массово-демократический постмодернизм) Weinheim 1991.

Werner Abelshauser: Kulturkampf. Der deutsche Weg in die Neue Wirtschaft und die amerikanische Herausforderung. (Вернер. Абельсхаузер. Kulturkampf. Немецкий путь к Новой экономике и американский вызов). Berlin 2003.

Библиотека Велесова Слобода, 2011 г.